

Прибалтика и Финляндия в территориальной системе Российской империи: специфика статуса и этнополитической ситуации

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта
Президента Российской Федерации, проект № МД – 4540.2008.6.

И. В. Бахлов,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
и мирового политического процесса
ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева»
(г. Саранск, РФ)

36

Трансформация территориальной системы Российской империи

К началу XX в. Россия как имперская система прошла в своем развитии два достаточно четко просматривающихся этапа – становления традиционной и перехода к современной (модернизированной, колониальной) империи. Если первая развивалась в русле так называемой линии священного империализма и ее структуры были характерны для доиндустриального общества, то формирование второй в России стало следствием реформирования традиционных структур в духе линии экономического империализма. Переход к империи Модерна (характерной для западной цивилизации в Новое и Новейшее время вплоть до середины – второй половины XX в.) в нашей стране занял длительный период, и во многом Россия эту стадию не пережила. Незавершенность процесса трансформации традиционной империи в результате весьма противоречивой модернизации государственных структур стала одной из главных причин кризиса Российской империи.

Начало XVIII – начало XIX в. можно назвать этапом организационного оформления традиционной империи. В этот период территориальное расширение государства было связано преимущественно с западным направлением и с присоединением: 1) Эстляндии и Лифляндии (1721 г.); 2) Крымского ханства (1783 г.);

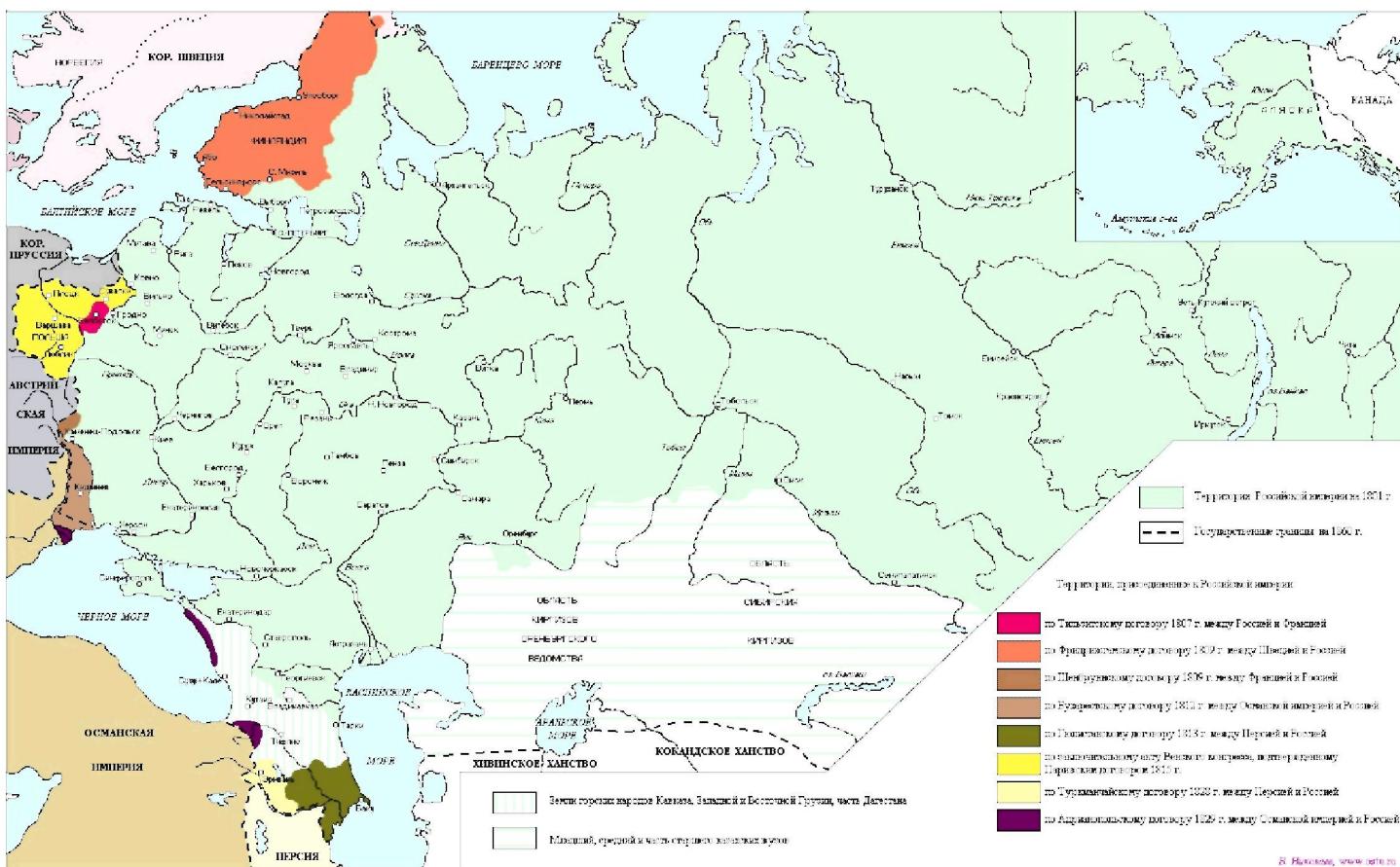
3) земель Польши после четырех разделов (1772, 1793, 1795 и 1815 гг.); 4) Финляндии (1809 г.); 5) Бессарабии (1812 г.). На этом этапе приоритет отдавался методам внешней экспансии, а захват территорий обосновывался уже не восстановлением естественных границ империи и воссоединением ранее утраченных земель, а geopolитическими интересами наращивания могущества Российской империи и необходимостью защиты ее границ. Соответственно колонизация становилась не способом расширения территории, а лишь способом ее освоения вследствие произошедшей экспансии. С учетом того что практически все присоединенные на этом этапе земли ранее обладали исторической государственностью, им предоставлялась большая или меньшая степень автономии в составе империи (пожалуй, за исключением Крыма, что во многом объяснялось историческими особенностями).

**Начало XVIII – начало XIX в.
можно назвать этапом
организационного оформления
традиционной империи.
В этот период территориальное
расширение государства было
связано преимущественно с
западным направлением.**

Начало XIX – начало XX в. – этап трансформации традиционной империи в колониальную и ее кризиса. В плане территориального расширения ему соответствуют: 1) присоединение Грузии (к 1811 г.); 2) завоевание Северного Кавказа (к 1864 г.); 3) завершение присоединения казахских земель (к 60-м гг. XIX в.); 4) завоевание и подчинение Средней Азии – Коканд-

© Бахлов И. В., 2009

Российская империя в первой половине XIX в.

37

ского и Хивинского ханства и Бухарского эмирата (Памирское соглашение 1895 г. с Англией закрепило границу); 5) присоединение Амурской области (Пекинский мир 1860 г.) и проникновение в Маньчжурию (основание Порт-Артура и Дайрена в 1898 г.) [6, 49–78, 124–149].

На данном этапе прямая военная экспансия явилась основным способом территориального расширения. Следствием завоевания было установление различных форм колониальной зависимости – от образования военной администрации (например, на Северном Кавказе после Кавказской войны) до признания зависимости в форме протектората с сохранением широкой автономии (Бухара и Хива). Если Парижский мир 1856 г., завершивший Крымскую войну, стал свидетельством кризиса традиционной империи, то кризис Российской колониальной империи был связан с продажей в 1867 г. Российской Америки и поражением в Русско-японской войне 1904–1905 гг., с потерей ранее принадлежавших территорий. Происходившая модернизация вызвала к жизни более жесткие методы колонизации зависимых территорий, что негативным образом сказалось не только на их положении, но и на состоянии государства в целом.

Характер освоения территории, отношение правительства к местному населению (его правящей элите), уровень зависимости от имперского центра позволяют выделить различные модели колонизации, одну из которых можно назвать прибалтийско-финляндской.

Прибалтийско-финляндская модель колонизации

Название модели достаточно условно, так как временные рамки колонизации прибалтийских провинций и Финляндии, а также степень их автономии были различными. Однако процессы их колонизации объединяют несколько факторов: 1) культурно-исторический – определенное сходство в политических и культурных традициях как бывших провинций Швеции; 2) геополитический – присоединение к Российской империи в результате длительного противостояния на Балтийском море с целью получения выхода к нему; 3) сохранение значительной самостоятельности в культурном и политическом отношении. Так, А. Каппелер считает, что прибалтийские провинции были «чужеродным телом в российском государстве» [6, 57].

Присоединение Прибалтики (Эстляндии и Лифляндии в 1710 г. (юридически оформлено в 1721 г.), а также близкой к ним Курляндии (после разделов Польши) базировалось на двух основных принципах российской колониальной политики – сохранении статус-кво и ко-операции с местной элитой. Статус-кво (фактическая автономия в рамках созданных здесь губерний) сохранилось длительное время и было нарушено лишь в царствование Александра III, когда началась русификация края: административное устройство было изменено, областные привилегии немецкого дворянства уничтожены. В 1889 г. в крае была введена общероссий-

ская судебная система, русский язык стал обязательным в управлении и судопроизводстве, затем в средних и начальных школах. В 1893 г. была проведена русификация Дерптского университета (переименованного в Юрьевский, а позднее в Тартуский), в 1895 г. Дерпт был переименован в Юрьев (старое русское название); началось интенсивное обращение в православие эстонских и латышских крестьян [5, 171].

Присоединение Финляндии происходило постепенно. В 1721 и 1743 гг. были присоединены земли так называемой Старой Финляндии, образовавшие Выборгскую губернию, которой гарантировались прежние привилегии, обычай и права. При этом специалисты отмечают, что российское правительство в тот период было заинтересовано в достижении Финляндией самостоятельности. Особое место здесь занимает манифест императрицы Елизаветы Петровны к народу Финляндии (1742 г.), в котором содержался призыв к отделению от Швеции и достижению самостоятельности, в чем Россия обещала необходимую поддержку [1, 27].

В 1808–1809 гг. в состав России было включено Великое княжество Финляндское на правах самой широкой автономии, которую гарантировал императорский манифест, провозглашенный в г. Борга 15 марта 1809 г. В 1812 г. земли Старой Финляндии вошли в состав Великого княжества, что заложило основы для формирования финской нации [6, 77–78]. По мнению финского исследователя П. Невалайнена, граница между Финляндией и Россией оставалась мирной в течение 1809–1917 гг., хотя ранее для этой линии соприкосновения Востока с Западом были характерны войны и беспорядки. Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи, но граница между ними не была пустой формальностью и абстрактным понятием. Между Финляндией и Россией существовала таможенная граница. Пересялившиеся в Россию финны имели финляндский паспорт, за надлежащим использованием которого наблюдала паспортная Экспедиция Финляндии в Санкт-Петербурге. К гражданам России в Финляндии относились как к иностранцам [9, 103].

Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи, но граница между ними не была пустой формальностью и абстрактным понятием.

Постепенная русификация Финляндии и ограничение ее автономии начались, как и в Прибалтике (да и в большинстве национальных окраин империи), при Александре III, с 1891 г., когда вся официальная переписка между Петербургом и Финляндией стала

вестись только на русском языке. 3 (15) февраля 1899 г. был издан имперский манифест о преобладании законов Российской империи над финляндским законодательством. С этого времени ведет отсчет целенаправленная политика русификации Финляндии, проводником которой явился финляндский генерал-губернатор Н. И. Бобрков [10, 39]. Были приняты указы, расширявшие сферу применения русского языка. 21 октября (3 ноября) 1905 г., во время первой русской революции 1905–1907 гг., автономия Финляндии была восстановлена, однако после революции политика русификации возобновилась. 31 мая (13 июня) 1909 г. Дума приняла закон об усилении русификации Финляндии [14, 73–99]. Весной 1912 г. вступил в силу закон о равноправии, который предоставил русским, проживающим в Финляндии, те же права, что были у финнов. Тем самым в период унификации, проводившейся достаточно жестко, царские власти попытались уменьшить «изолированность» Финляндии от остальной части Российской империи.

Особенностями рассматриваемой модели, на наш взгляд, являются: 1) практическое отсутствие русской колонизации как процесса освоения этих земель русскими переселенцами; 2) слабая экономическая интеграция в состав империи (особенно Финляндии); 3) сохранение весьма широкой самостоятельности, прежде всего культурной, этноконфессиональной, даже в условиях русификации; 4) сравнительно позднее начало унификации – большая часть мероприятий в этом направлении приходится лишь на начало XX в.; 5) значительная самоорганизация местного населения с развитым национальным самосознанием, что стало одной из главных причин формирования здесь независимых государств при распаде империи.

Статус прибалтийских земель и Финляндии в Российской империи и специфика территориального управления

В значительной степени имперский характер Российской государства в плане организации системы территориального управления проявлялся в особом отношении к созданию управлеченческих структур во вновь присоединяемых землях и определению их места в общей структуре управления России.

Как справедливо замечает В. С. Дякин, включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед властью проблему его интеграции в общую правовую и административную систему [3, 131]. С учетом разнообразия присоединенных территорий по этноконфессиональному составу, уровню исторического разви-

Герб Великого княжества Финляндского

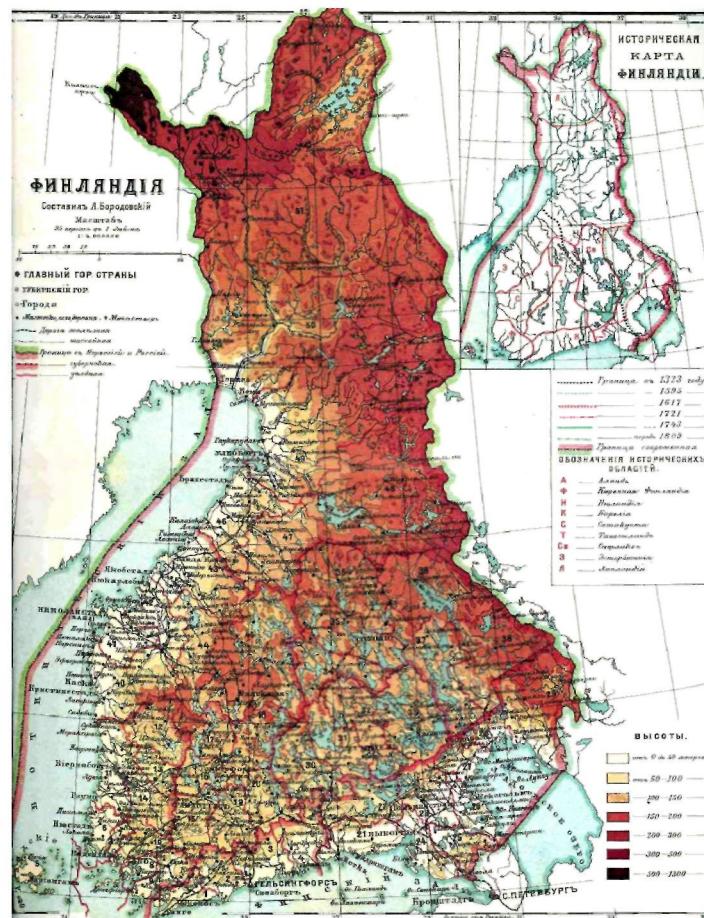
тия, наличию элементов государственности, характеру присоединения и отношению местного населения для них устанавливались совершенно разные организационно-правовые формы зависимости.

Прибалтика. Официально включение прибалтийских земель в состав Российской империи было оформлено Ништадским миром 1721 г., хотя их присоединение состоялось еще в 1710 г. Были образованы Рижская (Лифляндская) и Ревельская (Эстляндская) губернии, т. е. фактически сохранено шведское территориальное устройство. Каждая губерния возглавлялась генерал-губернатором, назначаемым верховной властью, при котором находились два регионгсраты (советника) из представителей местной элиты. Центральным органом управления финансами была Камер-контора лифляндских, эстляндских и финляндских дел, а по судебным делам – аналогичная Юстиц-коллегия. Кроме того, сохранялись органы местного самоуправления – ландтаги (земельные собрания из представителей немецко-прибалтийского дворянства), которые избирали на трехлетний срок постоянно действующие органы – Дворянский конвент (Лифляндия) и Дворянский комитет (Эстляндия). Оставались и существовавшие раньше сословные судебные, полицейские и иные органы. По своему статусу к этим двум губерниям приближались учрежденные в 1744 г. Выборгская и в 1795 г. Курляндская.

Распространение в 1783 г. на прибалтийские земли «Учреждений о губерниях» вызвало серьезные противоречия с местной элитой, что привело к восстановлению в 1796–1797 гг. старой системы сословных привилегий. Из общегосударственных учреждений в каждой губернии сохранились только губернатор и губернское правление (с двумя немецкими советниками и двумя канцеляриями – с немецким и русским дело-производством), губернский прокурор, приказ общественного призрения и казенная палата. Все остальные губернские и уездные учреждения избирались местной элитой.

В первой половине XIX в. три прибалтийские губернии (Лифляндия, Эстляндия и Курляндия) были объединены в Прибалтийское генерал-губернаторство (присуществовало до 1867 г.), при этом прежние органы сословного самоуправления сохранялись. В 1870–1890 гг. элементы автономии стали постепенно ликвидироваться и на эти губернии распространялось общероссийское законодательство [4, 133–134, 191, 247].

В то же время, как отмечает А. Каппелер, особый статус прибалтийских территорий хотя и был ощущимо поколеблен, полностью не был ликвидирован, так как существовали, пусть и с урезанной компетенцией, органы дворянского самоуправления с делопроизводством на немецком языке, а также достаточно прочными оставались позиции лютеранской церкви. Российская политика в отношении прибалтийских губерний была по сути своей противоречива. С одной стороны, в ней было заложено стремление к проведению реформ, направленных против консервативного немец-

Историческая карта Финляндии. 1323–1809 гг.

39

ко-балтийского дворянства, и она содействовала эманципации эстонцев и латышей. С другой – именно в период модернизации данная политика стремилась предотвратить социально-политическую дестабилизацию, а в Прибалтике это было достижимо только с помощью немецко-балтийской элиты [6, 191–192].

Финляндия. Ее особый статус был установлен манифестом Александра I от 15 марта 1809 г., данным им в г. Борга накануне проведения первого ландтага. Финляндия становилась Великим княжеством в составе империи, причем его главой провозглашался сам император, представленный в княжестве генерал-губернатором. Как великий князь Финляндский он осуществлял управление с помощью последовательно сменявших друг друга столичных учреждений «по делам финляндским»: комиссии (1809–1811 гг.), комитета (1811–1826 гг.) и статс-секретариата (1826–1857 гг.), глава которого с 1834 г. именовался министром-статс-секретарем. До конца XIX в. на этот пост назначались лишь финляндские уроженцы [3, 136; 4, 154]. Если генерал-губернатор представлял персону императора, то министр-статс-секретарь докладывал императору дела гражданского управления и сообщал генерал-губернатору высочайшие повеления, т. е. служил «передаточным» звеном в механизме управления автономией.

В Финляндии устанавливались собственные органы управления. В качестве законодательного органа вво-

Александр I

40

дился сейм; в 1863 г., стараясь не допустить здесь событий, аналогичных польским, российские власти пошли на созыв этого органа, регулярно функционировавшего с 1869 г. Органом исполнительной власти вначале стал совет, а с 1816 г. – сенат, избираемый сеймом в составе 12 чел. С 1816 г. его главой являлся назначаемый императором генерал-губернатор. Кроме того, сохранялось широкое местное самоуправление.

Как и Польша в 1815–1831 гг., Финляндия могла иметь собственную армию. В 1809–1830 гг. существовало несколько батальонов, сформированных из жителей княжества методом вербовки для предоставления места службы офицерам-финляндцам. В 1829 г. Николай I, продолжая политику «представительства» в гвардии всех элементов империи, сформировал лейб-гвардии Финский стрелковый батальон. В 1830–1878 гг. существовал финский флотский экипаж. По закону о воинской повинности от 27 декабря 1878 г., введенному в действие 1 января 1881 г., были сформированы 9 стрелковых батальонов и Финский драгунский полк общей численностью около 7 тыс. чел. в мирное и 12 тыс. чел. в военное время. Эти части просуществовали до 29 июня (12 июля) 1901 г., а лейб-гвардии стрелковый батальон и драгунский полк были упразднены в 1905 г. Уроженцы княжества отныне должны были служить в российской армии на общих основаниях. В 1904 г. личная воинская повинность граждан автономии вообще была ликвидирована, вместо нее княжество вносило 10 млн марок специального налога [7, 112–113].

Николай II

Финляндия была в значительной степени автономна от империи и в экономическом отношении, так как имела таможенную границу и собственную валюту – марку (с 1860 г.) [3, 136].

Как отмечает финский исследователь Т. Полвинен, в течение XIX в. особое положение Великого княжества Финляндского постепенно стабилизировалось, причем в период реформ 1860–1870 гг. его самоуправление, показавшее свою надежность, было укреплено еще больше. В отличие от других окраин, где правительство проводило политику русификации, особое положение Финляндии сохранилось и при Александре III. Лишь в конце XIX в. с целью удовлетворения влиятельных при дворе консервативных националистов началось ограничение автономии. Первым таким актом стал Февральский манифест Николая II 1899 г., касающийся порядка принятия общегосударственных законов, затрагивающих Финляндию, и законов, вводимых только в Финляндии, но затрагивающих общеимперские интересы. Оставленные неопределенными рамки общегосударственного законодательства (разграничение в каждом конкретном случае осуществлялось по усмотрению императора) сводили роль финляндского сейма до уровня совещательного органа, поставив под вопрос его компетенцию [11, 27–28, 77–78].

Провозглашение манифеста 1899 г. стало началом конфронтации между центром и автономией. В последующие годы были предприняты новые шаги в этом направлении – собственная армия, как выше уже указы-

валось, была распущена, в 1903 г. генерал-губернатор Н. И. Бобриков получил чрезвычайные полномочия и т. д. Как пишет А. Каппелер, новая российская политика, наступившая после девяти десятилетий политики, основанной на принципах pragматичного консенсуса, была воспринята в Финляндии как конституционный переворот и вызвала решительное сопротивление (включая убийство генерал-губернатора в 1904 г.), так что пропасть между национально-политически мобилизованным финляндским обществом и Россией все более расширялась [6, 193].

Ситуация еще более обострилась в период Первой мировой войны, специфика которого в плане развития политической ситуации в Финляндии заключалась в том, что к старому конфликту между имперским центром и автономией по вопросу о прерогативах верховной власти добавился новый конфликт, вытекавший из необходимости тотальной мобилизации, а значит, увеличения степени государственной интервенции в местные дела, расширения роли армии и военной администрации в государственном управлении. По мнению Е. Дубровской, несмотря на то что методы военной администрации вызывали критику и противодействие со стороны гражданских властей, населением Финляндии и финским национальным движением они воспринимались как новые свидетельства решимости имперского центра окончательно ликвидировать автономию Великого княжества, что создавало предпосылки для обретения Финляндией государственной независимости [2, 192–193].

Заключение

Прибалтийские земли и Финляндия занимали особое место в территориальной системе Российской империи. Однако степень их самостоятельности была различной: политическая автономия в форме личной унии, переходящей в реальную (Великое княжество Финляндское), означала наличие элементов государственности с сохранением самостоятельности внутреннего управления и общим правителем, в роли которого выступал российский император; административная автономия исторически самоуправляющихся территорий (прибалтийские губернии) допускала внутреннее самоуправление региона местной элитой под прямым руководством назначенного центром чиновника.

Специфичным для Российской империи было создание в качестве дополнительного звена центрального государственного аппарата высших комитетов, представляющих собой немноголюдные, наделенные значительными полномочиями оперативные объединения особо доверенных высших сановников. Среди четырех групп временных комитетов особо следует отметить комитеты по высшему руководству управлением отдельными национальными окраинами. В их числе были комитеты, действовавшие в отношении западных окраин – Комитет западных губерний (1831–1838 гг.) и Западный комитет (1862–1865 гг.); остзейские комитеты (1828–1831 и 1849–1850 гг.) для урегулирования прав элиты прибалтийских губерний; Комитет по делам

финляндским (1811–1826 гг.) в качестве органа управления автономией. По мнению Н. П. Ерошкина, создание высших комитетов по управлению отдельными окраинами явилось известным компромиссом между окраинной автономией и централизаторскими тенденциями абсолютизма [4, 153–154, 199].

Б. Н. Миронов, оценивая динамику характера управления присоединенными территориями, отмечает, что первоначально им предоставлялась сравнительно широкая автономия, часто – в форме протектората, а подчинение местных административных органов происходило поэтапно и спустя десятилетия. Центральная власть признала и, более того, гарантировала сохранение местных законов, религиозных и культурных обычаяев, национального языка, привычного административного порядка и, как правило, не нарушила отношений собственности. При этом опора центральной власти на государственность инкорпорированных национальных образований облегчала и ускоряла территориальную экспансию. Напротив, там, где государственные структуры были слабо выражены или сохранились сильные пережитки родового строя, захватывающий процесс шел медленно и трудно, хотя были и исключения. Исследователь выделяет два этапа в политике империи по отношению к национальным окраинам, рубежом между которыми стало Польское восстание 1863–1864 гг. После него «политика на административную интеграцию национальных окраин в состав империи стала всеобщей и форсированной, и к ней добавилась языково-культурная унификация в форме русификации». Причины этого усматриваются в совокупности субъективных и объективных факторов: «польский синдром», т. е. разочарование правительства в либеральной ассимиляции, появившаяся после Великих реформ необходимость унификации всей территории империи «в административном, культурном, правовом и социальном смыслах», интеграции общества «по вертикали», а также повсеместное развитие национальных движений, вызванных «невиданной политической мобилизацией всех этносов» [8, 37, 39, 41; 13, 54–55].

**Методы военной администрации
населением Финляндии и финским
национальным движением
воспринимались как свидетельства
решимости имперского центра
ликвидировать автономию Великого
княжества, что создавало
предпосылки для обретения
Финляндией государственной
независимости.**

Проанализировав организацию системы территориального управления Российской империи, мы можем выделить некоторые ее характеристики:

1) отсутствие единообразного механизма управления имперской территорией предполагало применение

разных моделей административного устройства и органов управления для основной части (центральное управление) и окраин (управление с элементами автономии);

2) степень автономии зависимых территорий была связана не столько с признанием их исторической государственности, сколько с характером присоединения и лояльности местного населения (в лице элиты) к имперской власти;

3) стремление к унификации автономных образований определялось как объективными факторами (развитием экономических связей, принятием общего законодательства, развитием национализма правящей элиты и т. п.), так и субъективными (личной зависимостью императора от национально-консервативной группировки правящей элиты, особенностями его характера и т. п.);

4) активное использование методов военного управления и армии служило гарантом восстановления стабильности и обеспечения имперской безопасности;

5) применение мер одностороннего воздействия имперского центра на периферию имело как прямой (принятие правовых актов, определение административно-территориального устройства, сенатские ревизии и т. п.), так и косвенный (заключение межгосударственного соглашения, установление экономической зависимости и т. п.) характер; однако следует отметить в качестве исключительных мер установление элементов обратной связи, например, введение должности министра-статс-секретаря в отношении управления Финляндией; более косвенный характер носили такие формы, как депутатии представителей местной элиты, различные прошения – в этом случае в качестве канала выступала, как правило, центральная администрация; наконец, в роли своеобразной формы обратной связи можно рассматривать волнения и восстания местного населения, заставляющие центр менять свою политику.

Очевидно, что Россия была сильно централизованной имперской системой, причем характер отношений центра и периферии во многом определялся стремле-

нием первого к усилению своей власти и расширению второй. Отношение периферии к центру было более разнообразным – от стремления к независимости, автономии, до лояльного или нейтрального отношения к установленной системе управления.

Давая типологическую характеристику Российской империи, можно сказать, что это была традиционная империя, развивающаяся в русле линии «священного империализма». Ее модернизация, начавшаяся с вестернизацией России Петром I, ликвидировать традиционные институты не смогла. Сохранение традиционных отношений и институтов во многих сферах государственной и общественной жизни вместе с противоречивой модернизационной стратегией правящей элиты привели имперскую систему к кризису. При этом, как отмечает А. Ю. Полунов, «континентальный характер Российской империи вызвал у теоретиков национализма определенную аберрацию понимания: Россия воспринималась как возникающее национальное государство, а не как полигэтническая империя, что вело к многочисленным конфликтам» [12, 201–202]. Национализация имперской идеологии при полигэтническом характере территориального комплекса породила тенденцию к колониализму в западном его понимании (предполагает не прагматично-патерналистскую политику по отношению к местной элите, а жесткую унификацию, прежде всего в сфере языка и религии). Исходя из этого, мы можем определить позднюю Российской империи как незавершенный вариант колониальной империи (империи Модерна).

Ключевые слова / keywords:

модель колонизации; Прибалтика;
Финляндия; Российская империя;
территориальное управление

*model of colonization; the Baltics; Finland;
the Russian Empire; territorial
administration*

Поступила 09.12.2008

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Варламова, П. А. Россия и проблема самостоятельности Финляндии (1788–1790 гг.) // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. – СПб., 1999.
2. Дубровская, Е. Первая мировая война в Финляндии: империя против нации, российская армия против финнов // Ab Imperio. – 2001. – № 4.
3. Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма: (XIX в.) // Вопр. истории. – 1995. – № 9.
4. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений докереволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М., 1983.
5. Империя пространства : хрестоматия по геополитике и геокультуре России / сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. – М., 2003.
6. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / А. Каппелер. – М., 2000.
7. Лапти, В. Армия империи – империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI – начале XX в. // Ab Imperio. – 2001. – № 4.
8. Миронов, Б. Н. Социальная история Российской империи : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб., 2001. – Т. 1.
9. Невалайнен, П. Финляндия и ССР в 1920–30-х гг.: основные характеристики миграции и торговли // Россия и Финляндия в XVIII – XX вв.
10. Петров, П. В. Царизм и финляндский торпарский вопрос в конце XIX – начале XX в. // Россия и Финляндия в XVIII – XX вв.
11. Полвицен, Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. / Т. Полвицен. – СПб., 1997.
12. Полунов, А. Ю. О религии и империи: миссии, обращения и веротерпимость в царской России // Отечеств. история. – 2003. – № 5.
13. Российский старый порядок: опыт исторического синтеза : «Круглый стол» // Там же. – 2000. – № 6.
14. Юссила, О. Политическая история Финляндии 1809–1995 / О. Юссила, С. Хенттиля, Ю. Невакиви. – М., 1998.

